

— Ты говоришь как... — Чу Хуань не сразу нашёлся, что ответить, его слова звучали странно. Всё это казалось ему далёким. В его нынешнем понимании гаокао было единственным важным событием в жизни. — Как взрослый.

Тан Цюгэ хотел что-то добавить, но вовремя подъехал автобус. Чу Хуань, уставший от этого разговора, поспешно взвалил рюкзак на плечи, запрыгнул в автобус и, помахав рукой, попрощался.

Никто не мог представить, что вскоре его слова окажутся пророческими, но это уже другая история.

После начала учебного года Чу Юй, не выдержав настойчивости Сун Цзиньчэня, переехал обратно в Пиншань.

Старик, не имея дел, приставал к Чу Юю каждую ночь, развлекаясь, а днём занимался спортом, любовался картинами и даже заинтересовался аукционами. После такого праздного образа жизни даже редкие седые волосы исчезли.

Чу Юй сопровождал его на аукционы, где старые бутылки, картины и камни уходили за сотни тысяч, стоило лишь поднять палец. Это было пугающе.

Сун Цзиньчэнь купил за шесть миллионов розовое кольцо с папарача и надел его на Чу Юя. Тот возразил, что кольцо великовато и может упасть. Через две недели его привезли из Гонконга, и оно оказалось впору.

Но Чу Юй всё равно не носил его, утверждая, что розовый цвет слишком яркий и вызовет насмешки.

Ещё через две недели кольцо снова привезли из Гонконга, но на этот раз розовый камень разделили на три части и превратили в браслет для ноги, который идеально сочетался с розоватыми ногтями Чу Юя. Теперь он не мог отказаться от украшения.

Цена росла с каждым поднятием пальца Чу Юя. Сун Цзиньчэнь уверял, что это всего лишь игра, но на отметке в пять миллионов начался торг, и он назвал счастливое число, после которого никто не осмелился поднять ставку.

Кольцо за шесть миллионов он купил так же легко, как если бы это была дешёвая конфета.

Чу Юй, чувствуя свою долю вины в этой афере, беспокоился, что украшение может повредиться, и снимал его перед выходом, пряча в карман, а дома снова надевал.

Через несколько дней Сун Цзиньчэнь принёс нефритовую статуэтку Гуаньинь с золотыми вкраплениями и велел носить её на шее.

— Мотоцикл — это железо и мясо. Ты постоянно гоняешь по улицам, пусть это защитит тебя от бед.

Чу Юй не осмелился спросить цену, боясь, что она окажется ещё более пугающей, чем браслет. Так же, как Сун Цзиньчэнь, заметив, что возраст Чу Юя не совпадает с его знаком зодиака, не стал углубляться, чтобы не нарваться на проблемы с законом о защите несовершеннолетних.

В воскресенье Чу Юй не работал, и Сун Цзиньчэнь планировал вечером выйти с ним поужинать. Перед выходом Чу Юй получил звонок о срочном деле дома.

Он отсутствовал весь день и ночь, не отвечая на звонки и сообщения, и вернулся только следующим вечером.

В столовой горел свет. Чу Юй, опираясь на стену, медленно вошёл.

— Вернулся? — Сун Цзиньчэнь отложил палочки. — Ты поел?

Чу Юй покачал головой, подошёл и сел, взяв миску с кашей.

— Что случилось? Почему не отвечал на звонки?

— Ничего серьёзного. — Чу Юй опустил глаза, продолжая есть. Вероятно, он снова ехал без шлема, и его волосы были растрёпаны. Сун Цзиньчэнь протянул руку, чтобы поправить их, но едва коснулся кончиков, как Чу Юй вскочил, и миска с грохотом упала на стол.

Оба были ошеломлены, уставившись друг на друга.

— Прости... Я... — Внезапно из глаз Чу Юя покатались слёзы.

Сун Цзиньчэнь впервые почувствовал, что слова бессильны. Он лишь махнул рукой, предложив пойти спать, если тот действительно устал.

Чу Юй, словно получив прощение, бросился вверх по лестнице, но, вспомнив, что Сун Цзиньчэнь не любит запах пота, зашёл в ванную.

Никто не знал, что он пережил за этот день и ночь. Если бы он попытался рассказать, это было бы лишь завершением долгой истории.

Чу Юй поднял лицо, позволяя горячей воде, словно губы матери, стекать по его лбу. Он чувствовал, как тяжесть тела вместе с грязью уходит в воду, словно оторванный от корней

ряски.

Было ли это хорошим событием? Разве не этого он ждал все эти дни? Но почему, вместо радости, он не чувствовал ничего?

Произошло то, что должно было принести облегчение, но для Чу Юя это не было лёгким.

— Я просто вернулся за вещью.

— Вечером у меня занятия, я уже опаздываю.

— На автобусе ехать сорок минут... Я торопился, очень торопился в школу.

— А потом он вернулся... и с ним были несколько дядей, которых я не знал.

— Он умолял меня позвонить тебе, сказал, что ты не берёшь трубку...

— Что если я не спасу его, то они... они...

— Я торопился в школу, было уже поздно, я очень торопился... И я сказал ему, что не позвоню тебе, пусть умирает... где хочет.

— Я видел, как те люди... увели его, сказали, что приглашают выпить.

— Я подождал, пока они уйдут, и только тогда... вернулся в школу.

Чу Юй зажёл зажигалку, глубоко вдохнул и закурил.

— Не говори никому, что ты вернулся сегодня вечером и видел его.

Чу Хуань заметил, как дрожат пальцы Чу Юя:

— Но...

— Слушай меня.

Сказав это, Чу Юй замолчал, молча докуривая сигарету. Пальцы его дрогнули от ожога, он встряхнул головой, хлопнул Чу Хуаня по плечу:

— Иди, иди, познакомься.

Чу Хуань замер на мгновение, затем кивнул и сделал шаг вперёд, но его схватили за плечо и оттянули назад.

Он обернулся. Чу Юй стоял, опустив голову, его выражение было неразличимо.

— Не смотри, я пойду.

Сун Цзиньчэнь выключил свет, приподнял край тонкого одеяла и, затаив дыхание, устроился под ним, наконец выдохнув.

Тепло коснулось уха Чу Юя, и он мгновенно проснулся.

— Сун Цзиньчэнь? — спросил он.

Мужчина тихо промычал в ответ.

Чу Юй расслабился, медленно обхватив ладонь на своей груди и прижав к ней лицо.

Кондиционер работал недостаточно сильно, и через некоторое время оба вспотели. Сун Цзиньчэнь отстранился, чтобы взять пульт. При его движении Чу Юй резко сжал его руку.

— Я просто хочу настроить кондиционер, — объяснил он.

Чу Юй отпустил его. Сун Цзиньчэнь нажал пару кнопок на пульте и обернулся. Чу Юй уже повернулся к нему, обняв за шею и прижав лицо к его груди.

Через кожу и рёбра Сун Цзиньчэнь почувствовал, как быстро бьётся сердце Чу Юя, словно там была тысяча слов, которые нужно было произнести.

— Что с тобой? Хочешь поговорить?

После паузы Чу Юй упрямо покачал головой.

— Ладно, — Сун Цзиньчэнь мягко погладил его по спине, случайно затронув тему:

— Ты меня обманул.

— Как это?

— Скажи мне ещё раз, сколько тебе лет?

— ... — Чу Юй колебался. — Восемнадцать.

— Правда?

— Я принесу тебе паспорт. — Чу Юй замолчал, затем начал вставать.

Сун Цзиньчэнь обнял его:

— Ладно, ладно, поверю тебе на этот раз.

Чу Юй снова лёг, через несколько глубоких вдохов успокоившись. Он смотрел на контур круглого светильника на потолке, не мигая, пока глаза не начали болеть.

— Ты так добр ко мне, — сказал он.

Сун Цзиньчэнь молчал, внимательно слушая.

Чу Юй сдержал рыдание и тихо прошептал:

— Оставь меня, я буду послушным, сделаю всё, что скажешь.

Раньше он был уверен в себе, решив, что даже если придётся измотать Сун Цзиньчэня, то он добьётся своего. Но теперь у него не было сил играть в эту игру, он хотел немедленно получить обещание.

Этот человек был так важен для него, его тепло могло растопить лёд, сковавший его на восемнадцать лет.

— А? — Сун Цзиньчэнь не понял, поднёс ухо ближе:

— Что ты сказал?

Чу Юй подумал, что тот рассердился, и поспешил взять свои слова обратно:

— Ничего...

Сун Цзиньчэнь взял Чу Юя за плечо и повернул к себе. Лицом к лицу, он произнёс:

— Оставить тебя? Разве мне не хватает послушных?

В темноте было видно лишь очертания, но лицо Чу Юя вспыхнуло. Конечно, у такого человека, как Сун Цзиньчэнь, не могло не быть послушных. Он поспешно поправился:

— Нет... Я имел в виду, что ты можешь делать со мной всё, что захочешь...

— Ладно, ладно, — Сун Цзиньчэнь положил палец на его губы, затем взял его лицо в ладони.

— Слушай меня. Если хочешь остаться со мной, можешь.

Его руки опустились, сжав горло.

— Но тебе придётся что-то отдать взамен, понимаешь?

Это были правила нашей игры.

<http://bllate.org/book/15448/1370477>